

DOI: 10.31696/S086919080034761-4

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН. ЧАСТЬ 2¹

© 2025

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ^a^a – Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: Во второй части статьи выявлено, что в последние десятилетия в значительной мере вследствие повышения в развивающихся странах (РС) уровня финансовой глубины (в среднем с 1/3 до 4/5 от параметра по развитым государствам (РГ)), увеличения доли внутренних сбережений и осуществления более активной, чем прежде, политики в сфере накопления физического и человеческого капитала (ФК и ЧЛК), в целом РС, несмотря на существенный рост совокупного долга (внутреннего по РС Азии, внешнего по Африке южнее Сахары (АЮС)), по доле совокупных вложений в ФК и ЧЛК в ВВП практически догнали РГ. Повышение в целом по РС эффективности госуправления, качества ЧЛК, прогресс в инновациях (при всех немалых различиях между РС) привел к тому, что РС в целом стали перегонять РГ по темпам прироста производительности (ПТ) в 4–5 раз, подтянулись по индексу социального прогресса до ¾ от уровня РГ, а общая доля небедного населения в РС увеличилась втрое до 50%.

Однако в немалой мере опережающие темпы прироста подушевого ВВП на треть связаны с его низким исходным уровнем, рост ПТ на 4/5 обеспечен межсекторным перемещением рабочей силы, в незападных РС темпы роста ПТ многократно ниже, а в АЮС доля критически бедного населения составляет почти 2/5, или около полумиллиарда человек.

Вместе с тем тот факт, что такая динамичная часть РС, как страны БРИКС+, обгоняет «семерку» РГ по эффективности капиталовложений почти вдвое, а по темпам прироста ВВП – втрое, свидетельствует о том, что страны Глобального Юга и Востока чем дальше, тем больше становятся практически неодолимой силой, с которой страны коллективного Запада уже никак не могут не считаться при решении глобальных проблем современности.

Ключевые слова: развивающиеся и развитые страны, БРИКС+, накопление капитала, инновации, производительность, неравенство, социальный прогресс

Для цитирования: Мельянцев В.А. Динамика и факторы экономического и социального прогресса развивающихся стран. Часть 2. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 83–98. DOI: 10.31696/S086919080034761-4

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ им. М.В. Ломоносова. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

DYNAMICS AND FACTORS OF ECONOMIC AND SOCIAL PROGRESS
OF DEVELOPING COUNTRIES. PART 2

© 2025

Vitalii A. MELIANTSEV ^a

^a – Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: *The second part of the article reveals that in recent decades, largely due to an increase in the level of financial depth in developing countries (DCs) and implementation of a more active policy in accumulation of physical and human capital (HK), the DCs on the whole, despite a significant increase in total debt (internal in Asian DCs, external in Sub-Saharan Africa (SSA)), almost caught up with the advanced economies (AEs) in terms of the share of total investments in GDP. The increase achieved on the whole in DCs' government effectiveness, their quality of HK and progress in innovation enabled the DCs to begin surpassing the AEs in terms of labor productivity (LP) growth rates by 4 to 5 times, jump up in terms of the social progress index to $\frac{3}{4}$ of the AEs' level, and the total share of the non-poor population in DCs tripled to 50%. But the faster growth rate of per capita GDP was by a third caused by its low initial level, in non-Asian DCs the growth rate of LP is many times lower, and in SSA the share of the critically poor population is almost $\frac{2}{5}$. However, the fact that such a dynamic part of the DCs as the BRICS+, which surpass AEs' G7 in investment efficiency by almost two times, and in GDP growth rates – three times, indicates that the countries of the Global South are becoming an almost irresistible force, which the countries of the collective West can no longer ignore when solving the global problems of our time.*

Keywords: developing and developed countries, BRICS+, capital accumulation, innovation, productivity, inequality, social progress

For citation: Meliantsev V.A. Dynamics and Factors of Economic and Social Progress of Developing Countries. Part 2. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 83–98. DOI: 10.31696/S086919080034761-4

НАКОПЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Накопление капитала – важнейший драйвер экономического роста развивающихся стран (РС). Помимо использования собственных средств предприятий и работников оно в существенной мере, особенно в условиях активной модернизации, зависит от темпов и масштабов дополнительного / внешнего (частного и государственного) финансирования.

В 1980–2023 гг. *уровень финансовой глубины*² (ФГ, в % от ВВП) в РС вырос более чем вдвое по сравнению с развитыми государствами (РГ, соответственно в 5,4 и 2,3 раза). И если в 1980 г. показатель по РС составлял немногим более $\frac{1}{3}$ от уровня РГ (50% vs 138% ВВП), то в 2023 г., в основном благодаря огромному, в т. ч. финансовому, рывку КНР уже превысил $\frac{4}{5}$ (270% vs 318% ВВП; *рис. 1*). Характерно, что доля кредитов в общем параметре ФГ РС увеличилась вчетверо ~ до 120% ВВП РС, на $\frac{3}{5}$ превысив показатель по РГ. При этом в

² Доля кредитов депозитных банков частному сектору экономики, капитализации рынков акций и капитализации рынков облигаций в ВВП.

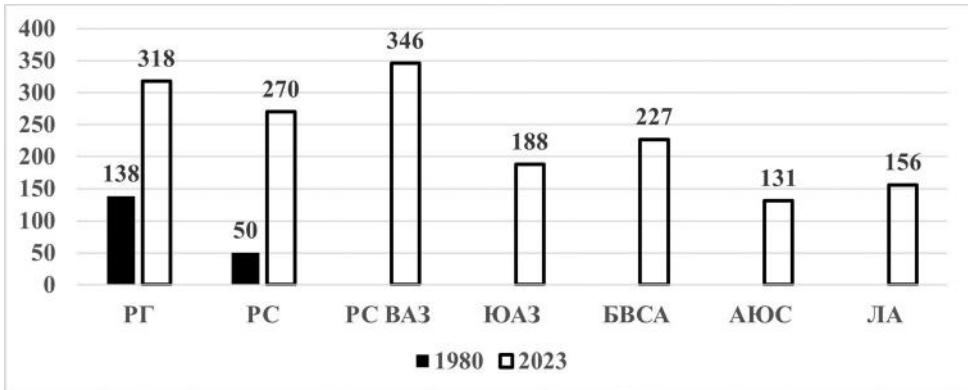

Рис. 1. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС): динамика финансовой глубины, 1980–2023 гг., в % от ВВП. Составлено по: [World Bank. *World Development Indicators*, 2024; BIS. Data Portal, 2024]

Fig. 1. The advanced economies (AEs) and developing countries (DCs): dynamics of financial depth, 1980–2023, as a percentage of GDP. Based on: [World Bank. *World Development Indicators*, 2024; BIS. Data Portal, 2024]

Примечание. РГ – развитые государства, РС – развивающиеся страны, РС ВАЗ – РС Восточной и Юго-Восточной Азии, ЮАЗ – Южная Азия, БВСА – Ближний Восток и Северная Африка, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка.

РС намного интенсивнее происходил рост финансовых рынков – примерно с 20 до 150% ВВП. По этому компоненту РС сильно подтянулись к РГ – с $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{5}$.

По общему параметру ФГ в 2023 г. в целом РС ВАЗ не только превосходили в 2,2–2,6 раза ЛА и АЮС и в 1,5–1,8 раза страны БВСА и ЮАЗ, но и, возможно³, обогнали РГ (346% vs 318% ВВП). При этом во многом вследствие весьма весомой роли КНР доля кредитного сегмента в общем параметре ФГ РС ВАЗ ($\sim \frac{1}{2}$) оказалась заметно выше, чем в среднем по РС и почти вдвое больше, чем в РГ, в формировании ФГ которых намного большее значение имеют финансовые рынки.

Если в динамичных РС ВАЗ и в целом по региону БВСА, в котором сосредоточено много богатых экспортеров углеводородов, в первую четверть XXI в. доля *внутренних валовых сбережений в ВВП* (рис. 2)⁴ превышала размеры валовых вложений в основной капитал (ВВОК) в ВВП соответственно почти на $\frac{1}{5}$ и более чем на $\frac{2}{5}$ ⁵, то в ряде других регионов РС наблюдался относительный дефицит сбережений. Доля *внешних источников финансирования ВВОК* в целом по ЮАЗ составляла немногим менее $\frac{1}{10}$ ⁶, а по ЛА – немногим более $\frac{1}{10}$. В АЮС, развитие которой сильно зависит от волатильности внутренней и внешней экономической конъюнктуры, динамика доли валовых сбережений в ВВП в 1980–2023 гг. оказалась многократно менее устойчивой, чем в других регионах РС, а доля

³ Ввиду отсутствия надежных данных, расчеты не учитывают масштабы теневого банкинга, а также других видов финансирования, в т. ч. на основе использования деривативов.

⁴ Рис. 2 см. на цветной вклейке.

⁵ В 1980–1999 гг., в период, когда в целом преобладали низкие цены на экспорт углеводородов, в среднем по странам БВСА доля валовых сбережений в ВВП составляла немногим более $\frac{9}{10}$ от средней доли ВВОК в ВВП.

⁶ В 1980–1999 гг., когда Индия и ряд других стран ЮАЗ, только начинали активную модернизацию экономики, этот показатель по ЮАЗ достигал вдвое большей величины.

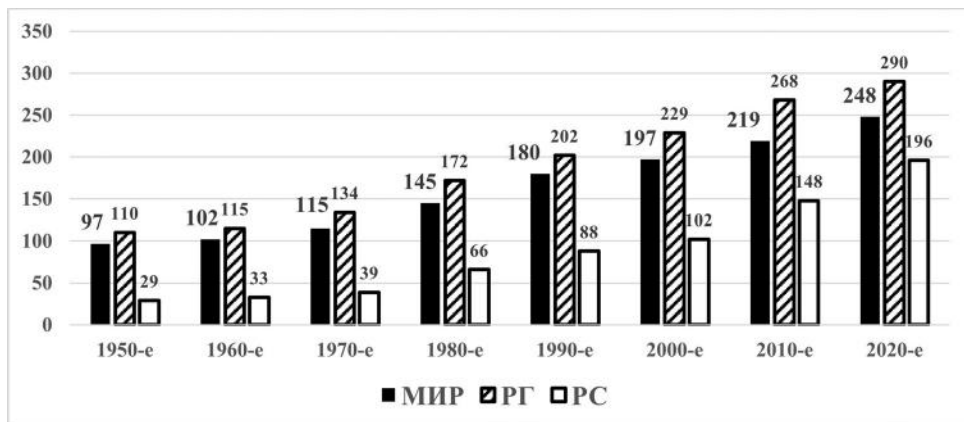

Рис. 3. Динамика совокупного долга в целом по миру, в развитых государствах (РГ)

и развивающихся странах (РС), 1950–2020-е гг., в % от ВВП. Составлено по: [Plender, 2024]

Fig. 3. Dynamics of total debt in the world, advanced economies (AEs) and developing countries (DCs), 1950–2020s, as a percentage of GDP. Based on: [Plender, 2024]

Примечание. 1. Совокупный долг включает государственный и частный долг, который учитывает задолженность домохозяйств и корпораций. 2. Данные, базирующиеся на материалах МВФ, – в среднем за десятилетия и за 2020–2022 гг.

внешних источников финансирования ВВОК выросла с немного более $\frac{1}{4}$ до немногом менее $\frac{2}{5}$.

Экономическая модернизация как успешных, так и менее успешных РС оплачена значительным *ростом совокупного долга*, который в целом по РС за последние семь десятилетий в % к ВВП вырос в 2,5 раза больше, чем в РГ (в 6,8 vs 2,6 раза, рис. 3). Если в 1950-е гг. параметр по РС составлял $\frac{1}{4}$ от РГ, то в первой половине 2020-х гг. уже $\frac{2}{3}$ (196% vs 290% ВВП) [Мельянцев, 2023(3), с. 6–7].

Хотя в целом по РС⁷ величина *совокупного внешнего долга* (СВД), отнесенного к ВНД, возрастающая в течение ряда десятилетий (в среднем с 11% в 1970–1972 гг. до 18% в 1979–1981 гг., 33% в 1989–1991 гг. и 37% в 1999–2001 гг.), резко – на $\frac{2}{5}$ – сократилась в 2000-е гг. на фоне улучшения внешнеэкономической конъюнктуры для экспортеров как готовых изделий, так и сырьевых товаров до 22% в 2010–2012 гг., в последующие годы, в условиях замедления экономического роста в мире и РС, она выросла ~ на $\frac{1}{5}$ до 26% ВНД в среднем за 2020–2022 гг. Доля экспортных доходов РС, приходившаяся на *обслуживание СВД*, составлявшая в РС в 1980–1990-е гг. примерно четверть, также сократилась в 2000-е гг., составив в 2010–2012 гг. около $\frac{1}{10}$. Но затем выросла более чем на $\frac{2}{3}$, достигнув в 2020–2022 гг. 15–16%. При этом, по имеющимся данным, за последние полвека подушевой объем СВД РС, неуклонно увеличиваясь, вырос в текущих долларах почти в 30 раз – с 48 долл. в 1970–1972 гг. до 1375 долл. в 2020–2022 гг. [Мельянцев, 2024(1), с. 44].

Несмотря на в целом солидные доходы экспортеров углеводородов, прежде всего в странах Ближнего Востока, денежные переводы трудовых эмигрантов и помощь (хотя на наш взгляд, недостаточную), предоставляемую, в т. ч. наименее развитым странам в АЮС, более медленный (чем в РС АЗ⁸) экономический рост в странах БВСА, АЮС и ЛА привел к тому, что в них показатель СВД к ВНД вырос с начала 2010-х гг. примерно вдвое

⁷ Здесь – по группе стран мира с низкими и средними доходами.

⁸ РС АЗ – это РС ВА3 и ЮА3

и достиг в 2020–2022 гг. в странах БВСА 30% (в 1,5 раза больше, чем в РС АЗ) и в АЮС и ЛА 44–45%. Вследствие существенного увеличения расходов на обслуживание СВД в трёх рассматриваемых регионах, они в 2020–2022 гг. на эти цели тратили в среднем вдвое большую долю своей экспортной выручки, чем в РС АЗ (соответственно 14–18–25%⁹ vs 10% в РС ВАЗ и 12% в ЮАЗ)¹⁰, что в целом ограничивало их возможности увеличения потребления и капиталовложений.

РС в целом сумели добиться значительных, хотя и далеко не равных успехов в увеличении доли совокупных вложений в физический капитал (ФК) и человеческий капитал (ЧЛК) в ВВП. Если в 1950–1980 гг. в целом по РС отставали по его уровню от РГ примерно на четверть (27% vs 37% ВВП), то в 2001–2023 гг. – менее чем на 1/10 (38% vs 41% ВВП) [Мельянцев, 2024(2), с. 9].

Однако в целом РС, включая группу РС ВАЗ, заметно отстают от РГ по доле вложений в ЧЛК (в образование, здравоохранение и науку) в ВВП: в 1950–1980 гг. соответственно 6,6% vs 12%, в 2001–2023 гг. 11% vs 19%. Если по РГ доля вложений в ЧЛК в совокупных капиталовложениях увеличилась примерно с 1/3 в 1950–1980 гг. до почти 1/2 в 2001–2023 гг., то в РС, которые быстрее наращивали инвестиции в ФК, в чём особенно преуспела КНР, рассматриваемый параметр вырос в среднем незначительно – примерно с 24 до 29%.

Вместе с тем, при всей огромной дифференциации среди РС, они в целом сумели не только масштабно продвинуться вперед в развитии инфраструктуры¹¹, строительстве массы заводов и фабрик, создании парков промышленных роботов¹² и наращивании числа используемых компьютеров¹³ и телекоммуникационных систем, но и в развитии ЧЛК.

Среднее число лет обучения взрослого населения в 1992–2022 гг. в РС удвоилось – с 4 до 8 лет, увеличившись с 2/5 до почти 2/3 от среднего уровня РГ (соответственно 10 и немногим более 12 лет) [UNDP, *Human Development Report*, 1994, p. 188; 2024, p. 276]. РС также заметно подтянулись к РГ по показателям охвата обучением в высшей школе (8% vs 30% в 1980 г.; 37% vs 79% в 2022 г.) [World Bank. *World Development Indicators*, 2024]) и широкополосным интернетом – с 1/7 в 2010 г. до 2/5 в 2023 г.

Весьма значителен прогресс ряда РС в инновационном развитии. По имеющимся данным, по числу заявок на патенты в расчете на 1 млн жителей уровень стран БРИКС от показателя семерки РГ, который в 2000 г. составлял всего 3% (42 vs 1279 патентов), быстро поднимался: в 2010 г. повысился до 13% (170 vs 1321 патент) и в 2021 г. до 40% (529 vs 1321 патент¹⁴) [World Bank. *World Development Indicators*, 2024].

Вышеприведенные факторы, а также увеличение во многих РС степени экономической свободы, улучшение качества институтов, инвестиционного климата и бизнес-среды¹⁵ обусловили то, что в РС в 1980–2023 гг. маржинальная эффективность совокупных вложений в ФК и ЧЛК¹⁶ оказалась примерно в 2–2,5 раза выше, чем в РГ.

⁹ В Эфиопии и Южной Африке показатель доходил до 22%, в Египте до 28%, в Бразилии до 42%.

¹⁰ Рассчитано по [World Bank. *International Debt Statistics*, 2024].

¹¹ Иллюстрируя сказанное, можно, в частности, заметить, что, если в 1960 г. РС в целом отставали от РГ по уровню урбанизации почти втрое (22% vs 62%), то в 2023 г. только в полтора раза (52% vs 82%).

¹² Увеличение числа промышленных роботов в мире в первой половине 2020-х гг. уже примерно на 3/5 происходило за счет РС, в т.ч. более чем наполовину за счет КНР [World Robotics – *Industrial Robots*, 2024].

¹³ По данным на июнь 2024 г. уже свыше четверти всех установленных в мире суперкомпьютеров приходилось на РС [Top500 List – June 2024, 2024].

¹⁴ По семерке РГ этот показатель не изменился.

¹⁵ В РС расходы на процедуры, связанные с регистрацией бизнеса, отнесенные к уровню подушевого ВНД, сократились за первые два десятилетия текущего столетия в 5–6 раз, в т.ч. в 3–4 раза в РС ВАЗ, ЛА и странах БВСА, в 5–6 раз в ЮАЗ и 8–9 раз в АЮС. Но показатель по основным регионам РС все еще в 4–7 раз (а в АЮС в 9–10 раз) выше, чем в среднем по РГ. Рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024].

¹⁶ Показатель обратный индикатору предельной капиталоемкости роста ВВП.

Проанализировав выше ряд внутренних и внешних экономических, а также институциональных факторов, характеризующих экономический рост РС на фоне РГ, нами по имеющимся данным за 2000–2022 гг. построена следующая модель¹⁷ по 67 крупным и средним странам мира.

$$GR_Y/P_i = -2,5 - 0,03 * Y_{i0}/P_{i0} + 0,17 * mPKHK_i + 0,12 * GR_{X_i} + 0,04 * \Delta Inst_i$$

(p<0,01) (p<0,01) (p<0,01) (p=0,01) (p<0,01)

$$N = 67; F\text{-StatProb} = 2,79E-18; R^2\text{adj.} = 0,74.$$

Источник: рассчитано по [DataBank. *World Development Indicators*, 2024].

Примечание. GR_Y/P_i – среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) (%); Y_{i0}/P_{i0} – ПВВП в 2000 г. в ППС 2021 г.; $mPKHK_i$ – доля в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал (образование, НИОКР, %); GR_{X_i} – СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (%); $\Delta Inst_i$ – прирост за период средне-невзвешенной величины из двух индикаторов эффективности государства и верховенства закона, в проц. пунктах; i – страна. N – число стран; p – коэффициент статистической значимости; $F\text{-StatProb}$ – критерий, оценивающий качество всех коэффициентов уравнения. Его значение меньше 0,01 позволяет отвергнуть гипотезу о незначимости регрессии в целом. $R^2\text{adj.}$ – скорректированный коэффициент детерминации.

Более чем четырехкратное опережение пятью крупными развивающимися странами (КНР, Индия, РФ, Бразилия, Индонезия) пяти крупных развитых государств (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания), входящих в первую десятку стран мира по ВВП в ППС 2021 г., по темпам прироста ПВВП в 2000–2022 гг. (СГТП ПВВП 4,1% vs 0,9%) связано с *так называемым преимуществом отсталости* (низким исходным уровнем ПВВП – соответственно 9,5 тыс. и 47,3 тыс. долл. в ППС 2021 г.) более чем на треть. Но не только с ним. Более чем на четверть – с более высокой (в среднем за период) *долей вложений в ФК и ЧЛК в ВВП* (соответственно 33 и 28%), на 1/8 – с более высоким *СГТП физического объема экспорта товаров и услуг* (соответственно 6,5 и 3%) и на 1/7 – с опережением в приросте (в среднем за период) *качества институтов* (соответственно 7,5 и -3,5 проц. пункта).

Развивая тезис, изложенный ранее [Мельянцеv, 2023(1), с. 12], уточним, что более высокие среднегодовые темпы прироста ВВП и *производительности труда* (ПТ) в целом по группе РС в немалой мере связаны с тем, что, в отличие от РГ, у них еще далеко не исчерпан такой источник их роста, как *перемещение ресурсов труда из отраслей с низкой производительностью в отрасли с более высокой производительностью их использования*. Хотя интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости в разных регионах РС сильно варьировалась¹⁸, в целом по РС в 1980–2023 гг. модернизация структуры занятости привела к тому, что доля занятости в аграрных отраслях сократилась вдвое до 30%, на 2/5 увеличилась доля занятых в индустриальном секторе до четверти и более чем вдвое – до 45% в сфере услуг.

Уточняя ранее сделанный расчет по трехфакторной модели [Мельянцеv, 2023(2), с. 12], было установлено, что почти двукратное опережение развивающимися странами развитых по СГТП ВВП в 1980–2023 гг. (4,2% vs 2,2%) определялось в немалой мере – на 45% – более

¹⁷ Это – скорректированный вариант модели [Мельянцеv, 2023(1), с. 10–11], рассчитанной по более репрезентативной группе стран мира.

¹⁸ В 1980–2023 гг. интенсивность сдвигов в макроотраслевой структуре занятости РС (1,1% в год) была почти на 2/5 выше, чем в РГ (0,7%), в т. ч. в РС ВАЗ 1,5%, в ЮАЗ 1,1%, в странах БВСА 0,9%, в АЮС 0,8% и ЛА 0,6%.

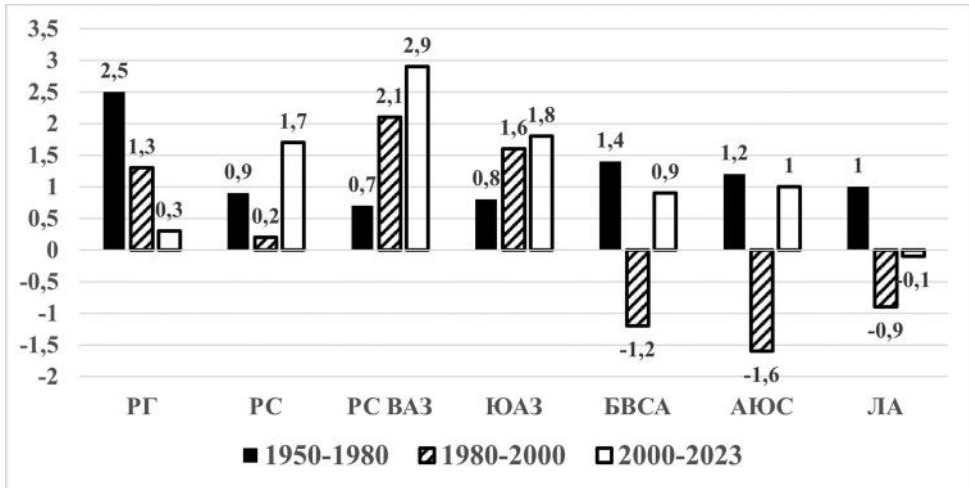

Рис. 4. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в развитых государствах (РГ) и основных регионах развивающихся стран (РС), 1980–2023 гг. (%).

Рассчитано с использованием данных в новых ППС 2021 г.

по: [World Bank. *World Development Indicators*, 2024]

Fig. 4. Average annual growth rate (AAGR) of total factor productivity (TFP) in the advanced economies (AEs) and main regions of developing countries (DCs), 1980–2023 (%). Calculated based on 2021 data from: [World Bank. *World Development Indicators*, 2024]

Примечание. СФП – это ВВП в расчете на величину совокупных затрат труда и капитала.

высокой динамикой занятости (СГТП 1,7% vs 0,8%), но в еще большей мере – на 55% – более высоким СГТП ПТ (2,5% vs 1,4%). Однако этот более высокий, чем в РГ, рост ПТ в РС был также обусловлен в известной степени «преимуществом отсталости»: менее чем на 1/5 более высоким СГТП ПТ в макроотраслях, но на 4/5 – эффектом передислокации трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный и сферу услуг.

Опережающий рост в целом всей группы РС по сравнению с РГ с начала века прослеживается и по динамике совокупной факторной производительности (СФП; рис. 4), темпы прироста которой у последних резко замедлились [Global Economic Futures, 2025], в то время как в целом по РС они в долгосрочной тенденции выросли (во многом за счет КНР и Индии в 2000-е г. [Мельянцев, 2024(2), с. 11]).

В 2000–2023 гг. более чем втрое более высокий СГТП ВВП в РС по сравнению с РГ (4,8% vs 1,5%) примерно на 3/5 был обусловлен более высокой динамикой совокупных затрат труда и капитала в РС (СГТП 3,1% vs 1,2% в РГ) и на 2/5 более высоким в РС темпом прироста СФП (1,7% vs 0,3% в РГ). И хотя после международного финансового кризиса 2008–2009 гг. в обстановке нарастающей геополитической напряженности и усиления протекционизма в мире в РС, как и в РГ, темпы экономического роста замедлились, важным стал факт: РС в целом стали устойчиво обгонять РГ по темпам прироста ВВП не только за счет наращивания затрат ресурсов, но и уже во многом за счет более высокой динамики производительности.

В немалой мере это стало возможным вследствие увеличения в РС инновационной активности. Резко улучшили свое местоположение в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) за 2012 и 2023 гг. ряд преимущественно РС АЗ, в т. ч. Индонезия и Филиппины на 39 позиций, Турция и Вьетнам – соответственно на 35 и 30, КНР, Индия и Мексика –

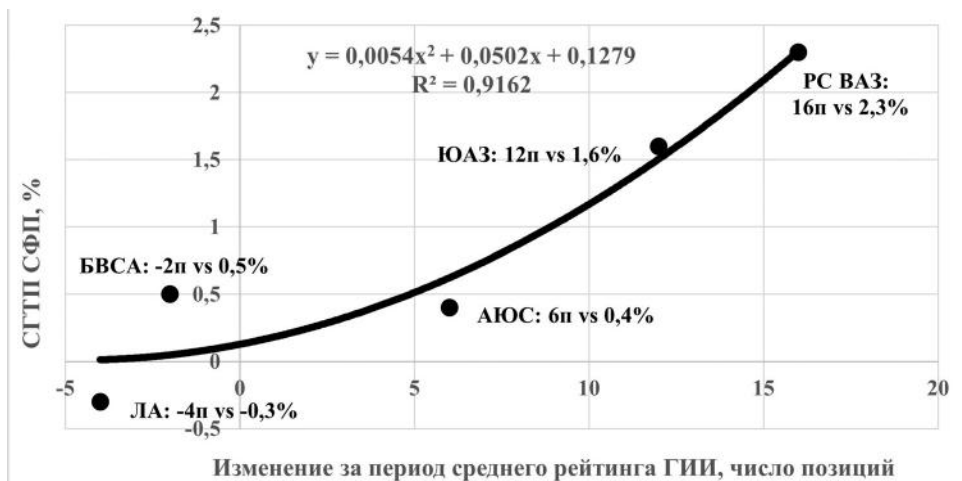

Рис. 5. Влияние изменения среднего рейтинга Глобального инновационного индекса (ГИИ) на СГТП СФП в основных регионах РС в 2010–2023 гг. Рассчитано по источникам к рис. 4 и: [WIPO. *Global Innovation Index*, 2012, р. XVIII–XIX; 2023, р. 19–20]

Fig. 5. The impact of changes in the average rating of the Global Innovation Index (GII) on the AAGR of TFP in the main regions of the DCs in 2010–2023. Calculated based on sources for Fig. 4 and: [WIPO. *Global Innovation Index*, 2012, р. XVIII–XIX; 2023, р. 19–20]

Примечание. Первый показатель – изменение среднего рейтинга Глобального инновационного индекса, второй – СГТП СФП.

на 21–24 позиции. При этом КНР, ОАЭ, Турция, Индия и Таиланд попали в высшую треть мирового рейтинга инновационного развития [WIPO. *Global Innovation Index*, 2012, р. XVIII–XIX; 2023, р. 19; Мельянцев, 2023(1), с. 13]. В десятку инновационно наиболее продвинутых стран мира вошли Сингапур и Республика Корея, ставшие развитыми государствами.

Также стоит отметить, что, судя по имеющимся данным, по основным регионам РС в 2010–2023 гг. существовала значимая и достаточно тесная позитивная связь между изменением среднего рейтинга стран региона по ГИИ и СГТП СФП региона (рис. 5)¹⁹. При этом, хотя для стран АЮС в целом за исследуемый период наблюдалось улучшение среднего рейтинга по ГИИ (на 6 позиций), а СГТП СФП оказался (0,4%) близок к показателю по БВСА (0,5%) и выше, чем в среднем по ЛА (-0,3%), *среднее значение ГИИ* по странам АЮС в 2023 г. (106 место) было ниже, чем в ЮАЗ (100), ЛА (84), в странах БВСА (68) и РС ВАЗ (62 место). А уровень ПТ в АЮС в 2023 г. был ниже более чем в 2,5 раза, чем в среднем по РС, в т. ч. ниже почти вдвое, чем в ЮАЗ и более чем втрое ниже, чем по РС ВАЗ²⁰.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

По СГТП *индекса социального прогресса* (ИСП), в котором соединены многие социальные, культурно-информационные и экологические характеристики, в целом группа

¹⁹ $p = 0,02$; $R > 0,9$. R – коэффициент корреляции (изменяется от -1 до +1); p – показатель статистической значимости. Используется для проверки гипотезы (принимает значения от 0 до 1). Чем меньше p , тем меньше вероятность ошибки.

²⁰ Рассчитано по источникам к рис. 4 и 5.

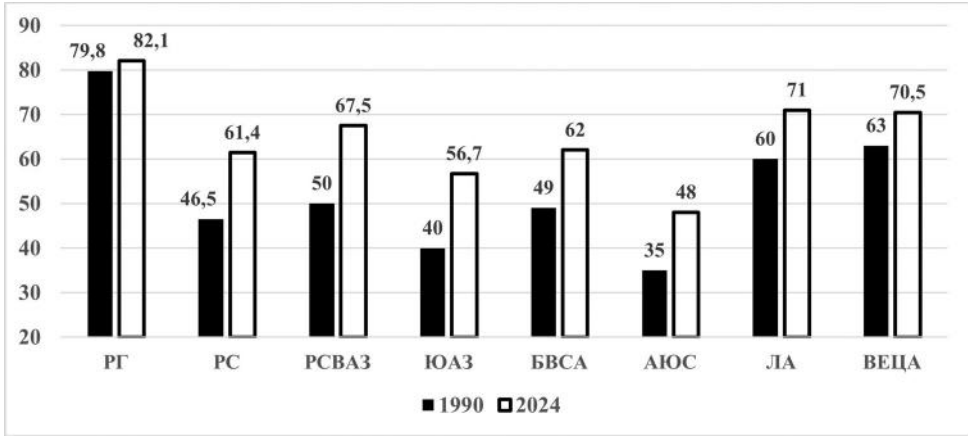

Рис. 6. Развивающиеся и развивающиеся страны, 1990–2024 гг.: динамика индекса социального прогресса. Составлено и рассчитано по: [Social Progress Index Time Series, 2022; 2024; Social Progress Index Scorecards, 2024]

Fig. 6. The advanced economies and developing countries, 1990–2024: dynamics of the social progress index. Calculated and compiled based on: [Social Progress Index Time Series, 2022; 2024; Social Progress Index Scorecards, 2024]

РС, начав, правда, со сравнительно низкого старта, в 1990–2024 гг. перегнала РГ почти на порядок (0,8% vs <0,1%). В результате примерно за треть века РС подтянулись к РГ с менее 3/5 до 3/4 (рис. 6).

Однако по динамике ИСП основные регионы РС сильно дифференцированы: его абсолютный прирост в 1990–2024 гг. в РС АЗ (на 17 проц. пунктов) оказался (а) в полтора раза больше, чем в среднем по другим РС (11 проц. пунктов) и (б) весьма тесно (по регионам) взаимосвязан с СГТП ПВВП за рассматриваемый период²¹.

Не по всем компонентам ИСП достигнутые в РС результаты могут радовать. Об экологической «цене» экономического роста РС написано немало [Мельянцеv, 2023(1), с. 15]. По индексу экологической эффективности (ИЭЭ) в 2024 г. Малайзия занимала 117-е место, Турция – 140-е, КНР – 154-е, Индонезия – 162-е, Индия – 176-е и Вьетнам, последнее, 180-е место [Environmental Performance Index, 2024].

Ускоренная индустриализация и урбанизация привели к тому, что показатель выбросов двуоксида углерода на одного человека в год увеличился в целом по РС в 1980–2022 гг. на 4/5, в т. ч., например, в ЮАЗ вчетверо, в РС ВА3 – более чем в 5 раз, в КНР – почти в 6 раз до 8,9 тонн. Значение этого параметра в КНР в 2022 г. было больше в 11 раз, чем в АЮС, почти в 6 раз чем в ЮАЗ, более чем втрое – чем в ЛА и почти достигло 9/10 от среднего уровня РГ (притом, что в КНР в 2022 г. ПВВП в ППС 2021 г. не превышал 2/5 от показателя РГ)²².

Опережение развивающимися странами развитых заметно и по динамике индекса человеческого развития (ИЧР). По нашим расчетам, относительный разрыв между РГ и РС сократился с 3,3 раза в 1950 г. до 2,1 раза²³ в 2023 г.²⁴ [UNDP. Human Development Report, 2023/2024, 2024, p. 277, 282; Wittgenstein Centre, 2024].

²¹ $p = 0,08$; $R = 0,75$.

²² Рассчитано по [World Bank. World Development Indicators, 2024].

²³ Подробнее о дифференциации РС по ИЧР [Мельянцеv, 2023(2), с. 8].

²⁴ Правда, что весьма примечательно и на что мало обращают внимание, абсолютный разрыв по этому композитному социально-экономическому показателю в целом между РГ и РС в 1950–2000 гг. вырос (!) почти на 4/5,

Еще большее, чем по показателям образования, произошло подтягивание к уровню РГ по другому важному компоненту ЧЛК и ИЧР – по *средней продолжительности предстоящей жизни от рождения* (СППЖР). Разрыв между РГ и всей группой РС сократился с 1,8 раза в 1950 г. (66 vs 37 лет) до 1,3 раза в 1980 г. (74 vs 59 лет) и немногим более 1,1 раза в 2023 г. (81 vs 71 год). Вместе с тем между РС также наблюдается огромная разница. Если в целом по РС ВАЗ в 1960–2022 гг. рассматриваемый показатель вырос вдвое, или на 38 лет, до 76 лет, то в АЮС – в полтора раза, или на 20 лет (что хорошо, но мало), до 61 года²⁵.

Этот разрыв между РС определяется рядом факторов, в т. ч. дифференциацией в *индикаторе младенческой смертности (ИМС)*. Он в целом по АЮС, хотя и сократился более чем вдвое – с 107 до 49 промилле, но намного меньше, чем в среднем по другим регионам РС (в 3–3,8 раза). И если в 1990 г. был выше, чем в ЛА и РС ВАЗ, примерно вдвое, то в 2022 г. – вчетверо выше (49 vs 12–13 промилле)²⁶.

За последнюю треть века экономическая модернизация РС, связанная в первую очередь с феноменальным рывком КНР и ряда других РС ВАЗ, привела к значительным изменениям в социальном статусе и уровне потребления населения. Однако, несмотря на то что в целом по всей группе РС доля населения, проживающая ниже порога *критической бедности* (по критерию Всемирного банка, менее 2,15 долл. подушевого потребления в день в ППС 2017 г.) сократилась в 1990–2024 гг. почти в пять раз до менее 1/10 (рис. 7), в т. ч. в РС ВАЗ с 65 до 1%, в ЮАЗ – с 50 до 8%, этот показатель в АЮС, снизившись на треть, все еще составляет 36–37%. *Абсолютное число критически бедных* в целом по РС уменьшилось втрое до примерно 700 млн человек, в т. ч. в РС ВАЗ с 1050 млн до 18 млн человек, в ЮАЗ – почти вчетверо до 150 млн человек. Однако в АЮС их численность, напротив, выросла более чем в полтора раза до 460 млн человек. И на субсахарскую Африку теперь приходится 2/3 общей численности самых бедных людей в мире, втрое больше, чем в ЮАЗ, тогда как треть века назад в ЮАЗ проживало вдвое больше критически бедных, чем в АЮС.

Изменилась общая структура бедности. В целом по РС уменьшилась на треть доля *весьма бедных людей* (с уровнем дневного потребления от 2,15 до 3,65 долл.) до 15%, в т. ч. в РС ВАЗ – более чем в пять раз до 4% и даже в ЮАЗ – на 1/5 примерно до четверти. Вместе с тем в АЮС этот параметр неблагополучия вырос почти на треть до 27%.

В среднем по РС значительно – на 2/3 до 25% – увеличилась доля *умеренно бедных* (с уровнем дневного потребления от 3,65 до 6,85 долл.). Она теперь такая же, как *критически бедных* и *весьма бедных*. Перемены – разительны, если учесть, что в РС в 1990 г. доля *критически бедных* была на четверть больше, чем совокупная доля *весьма бедных* и *умеренно бедных* (рис. 7). Доля последних (*умеренно бедных*) за треть века выросла в РС ВАЗ более чем вдвое до 1/5, в ЮАЗ – втрое до 2/5 и даже в АЮС – более чем в полтора раза до 1/4.

Хотя в целом по РС в 1990–2024 гг. общая численность *всех бедных* лишь ненамного снизилась – с 3,6 до 3,5 млрд человек (в РС ВАЗ она сократилась втрое – с 1,5 до 0,5 млрд человек, в ЮАЗ выросла на треть до 1,5 млрд, а в АЮС – почти в 2,5 раза до 1,1 млрд человек), численность, условно говоря, *небедного населения* увеличилась впятеро – примерно с 0,6–0,7 млрд до 3,3–3,4 млрд человек. При этом *доля небедных* в целом по РС выросла более чем втрое до половины, в т. ч. в РС ВАЗ – более чем на порядок до $\frac{3}{4}$ ²⁷, в ЮАЗ – в семь раз до $\frac{1}{4}$, но в АЮС показатель едва ли сильно изменился, оставаясь на уровне 10–13%.

но с 2000 по 2023 г. сократился, правда, ненамного – примерно на 1/10.

²⁵ Составлено по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024].

²⁶ Составлено и рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024].

²⁷ По критерию Всемирного банка, доля небедного населения в целом по странам БВСА – немногим более половины, а в ЛА примерно $\frac{3}{4}$ населения.

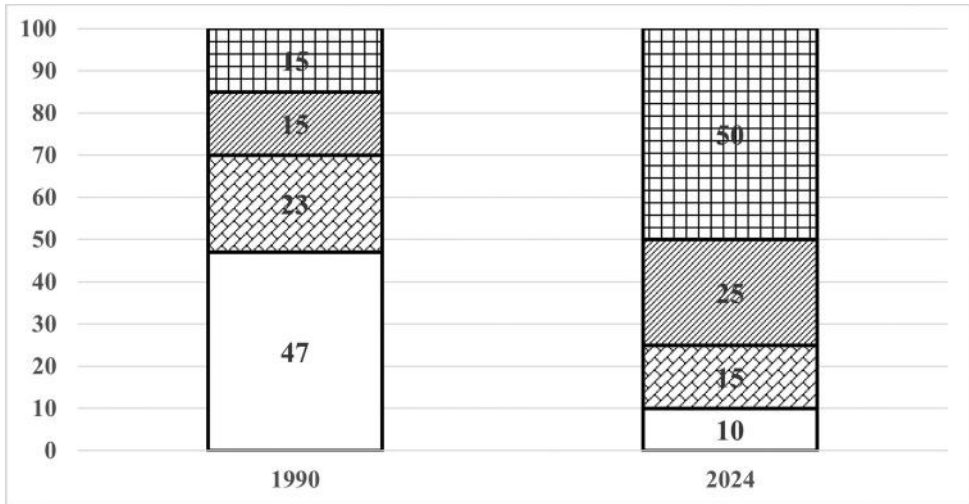

Рис. 7. Динамика структуры населения развивающихся стран по стратам потребления в 1990–2024 гг. (%). Рассчитано по: [Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024, 2024, p. 94–98]

Fig. 7. Dynamics of the population structure of developing countries by consumption strata in 1990–2024 (%). Calculated based on: [Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024, 2024, p. 94–98]

Примечание. В каждом столбце (снизу вверх): доли населения с потреблением в день ниже 2,15 долл. в ППС 2017 г.; от 2,15 до 3,65 долл.; от 3,65 до 6,85 долл.; выше 6,85 долл.

Трудности с сокращением доли бедных в АЮС в немалой мере вызваны сохранением высокого уровня неравенства в распределении располагаемых доходов²⁸: в 2015–2021 гг. в среднем по странам АЮС коэффициент Джини²⁹ составлял 0,42–0,44³⁰ и был на 1/5 выше, чем в среднем по РС АЗ³¹. Весьма высокий уровень неравенства в целом неблагоприятно сказывается на росте человеческого капитала и инвестиционном климате, создавая в обществе атмосферу неопределенности и нестабильности [Мельянцев, 2024(1), с. 47–48].

Одним из факторов, который в значительной мере способствует значительной дифференциации доходов в РС, – высокий уровень коррупции и недостаточный контроль за ее распространением³² (рис. 8).

²⁸ Разумеется, при всей важности уменьшения неравенства для ликвидации бедности, этот фактор не единственный. Ликвидация бедности – сложный процесс, зависящий от решения комплекса взаимосвязанных проблем.

²⁹ После вычета налогов и предоставления субсидий.

³⁰ Рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024].

АЮС также в числе лидеров и по неравенству распределения богатства. Судя по имеющимся данным за 2022 г., коэффициент Джини в крупнейших странах АЮС (Нигерия, Южная Африка, в среднем 0,87–0,89) был существенно выше, чем в крупнейших РС АЗ (КНР, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Таиланд, в среднем 0,75–0,77) и ЛА (Бразилия, Мексика, Аргентина, в среднем 0,81–0,83). Рассчитано по [UBS. *Global Wealth Databook*, 2023, p. 123–126].

³¹ Подчеркнем, что не только по Африке, но и по Азии многие данные, по сути, ориентировочные и, скорее, недооценивают, чем преувеличивают неравенство в распределении доходов. В частности, достаточно неожиданно оказалась информация о том, что в Индии, согласно, данным World Inequality Laboratory, в 1991–2023 гг. доля наиболее богатых 10% населения в его совокупных доходах выросла на 2/3 – с 35% до 59%, а доля низших 50% населения упала на треть – с 20 до 13% [Wolf, 2025].

³² Контроль коррупции, как фактор сдерживания роста неравенства распределения доходов, – один из весьма значимых, но, разумеется, не единственный.

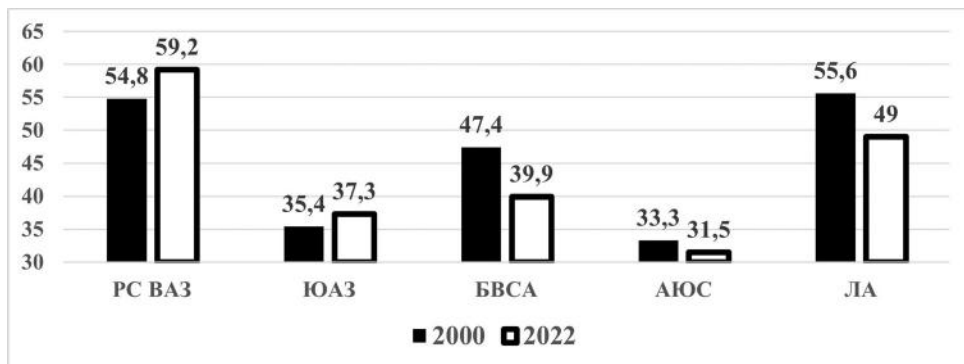

Рис. 8. Динамика показателя контроля коррупции по основным регионам развивающихся стран (%). Составлено и рассчитано по [World Bank. *Worldwide Governance Indicators*, 2024]

Fig. 8. Dynamics of the corruption control indicator for the main regions of developing countries (%). Calculated and compiled based on [World Bank. *Worldwide Governance Indicators*, 2024]

Примечание. Показатель изменяется от 0 до 100 (высокий уровень контроля коррупции; например, в 2022 г. показатель в ДРК равнялся 3%, а в Дании 100%).

В регионах PC, в которых в тенденции происходит повышение показателя контроля коррупции, выше динамика роста ПВВП и ниже уровень неравенства распределения доходов. Хотя в среднем по АЮС показатель контроля коррупции в 2000–2022 гг. снизился, справедливости ради надо подчеркнуть, что в ряде ее стран он повысился, правда, в целом до невысокого уровня: в 2000–2022 гг. в Эфиопии с 22 до 37%, в Танзании с 27 до 43%, в Уганде с 14 до 17%, в Кении с 10 до 24%, в Нигерии с 3 до 15%, в ДРК с 1 до 3% (!). Однако в Южной Африке, в которой накопилось много экономических и социально-политических проблем, показатель, наоборот, упал с 70 до 45%.

По 26 субсахарским странам, по которым удалось найти сопоставимые данные за 2018–2022 гг., установлено, что есть значимая и заметная отрицательная корреляционная связь между показателем контроля коррупции и уровнем неравенства распределения располагаемых доходов (коэффициент Джини; $p < 0,01$; $R = -0,58$)³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, подчеркнем, что, вопреки прогнозам ряда западных экспертов, сделанным в 1950–1960-е гг., десятки развивающихся стран, преодолевая немалые проблемы и трудности [World Development Report: *The Middle-Income Trap*, 2024], встав, как НИС, Китай, Индия, Индонезия и ряд других, в основном азиатских стран на путь глубоких институциональных реформ и открытости, используя опыт, инвестиции и технологии экономически более продвинутых государств, наращивая накопление физического и человеческого капитала и осуществляя политику экспортоориентированной индустриализации и сервисизации экономики, сумели в целом добиться, без преувеличения, значительного экономического и социального прогресса.

В 1980–2022/2023 гг. доля PC выросла на 2/5 в мировом ВВП (по расчетам в ППС до 60%), в индустриальном секторе планеты – в полтора раза (до 71%), в мировом экспорте

³³ Рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024; World Bank. *Worldwide Governance Indicators*, 2024].

готовых изделий и накопленном объеме ПИИ в 2,3–2,4 раза (соответственно с 18 до 42% и с 14 до 34%), в общемировых показателях расходов на НИОКР и числа заявок на патенты в 3,3 и 4,3 раза (соответственно с 12 до 40% и с 13 до 57%). В результате модернизации их экономик в целом вдвое сократился показатель разрыва в макроотраслевых структурах занятости с РГ, причем в РС доля занятых в аграрном секторе, сократившись вдвое, уже стала в целом ниже 1/3.

Существенно продвинувшись вперед по внедрению инноваций, в т. ч. частично за счет собственных изобретений, РС АЗ в 2000–2023 гг. уже в 6–8 (!) раз обгоняли РГ по темпам прироста такого важнейшего показателя международной конкурентоспособности, как СФП. Относительный разрыв между РГ и РС по индексу человеческого развития, увеличившийся в эпоху колониализма в 1800–1950 гг. с 1,8 до 3,3 раза, уменьшился к 2023 г. почти на 2/5 до 2,1 раза³⁴. За последнюю треть века число критически бедных в РС сократилось втрое, а их доля, как отмечалось, снизилась в пять раз до 1/10. Одновременно в РС, по данным и критериям Всемирного банка, увеличилось вчетверо и втрое соответственно общее число небедного населения и его доля в общей его численности до половины³⁵.

Заслуживают особого внимания успехи стран БРИКС+³⁶, которые в 2010–2024 гг. в среднем почти втрое превосходили «большую семерку» развитых государств по темпам прироста ВВП. И если в 2010 г. по совокупному ВВП (в ППС) они примерно на 1/10 отставали от последних, то в 2024 г. их перегнали на треть. Опережающий темп прироста ВВП в целом по странам БРИКС+ (по отношению к «семерке») был, согласно нашим расчетам по формуле Харрода-Домара, получен примерно в равных долях за счет и более высокой средней доли капиталовложений в ВВП (33% vs 20%) и (!) более высокого показателя их эффективности (0,14 vs 0,08). По другим расчетам, опережение группы БРИКС+ по темпам прироста ВВП было более чем на 90% (!) связано с более высоким у них темпом прироста производительности труда³⁷. Ее уровень в группе стран БРИКС+, в среднем быстро подтягивающихся к «семерке» по ряду параметров инновационного развития³⁸, в 2010–2024 гг. вырос с менее 1/5 почти до 1/3.

Но наряду с достаточно быстро растущими государствами среди РС есть немало менее динамичных государств, многие из которых вписались не без участия ТНК из РГ в международное разделение труда как экспортеры слабо обработанного сырья. По нашим подсчетам, среднегодовой темп прироста совокупной факторной производительности в целом по странам БВСА, ЛА и АЮС в 2000–2023 гг. был в среднем в 5–6 раз ниже, чем в РС АЗ.

Особо острые проблемы у наименее развитых стран, большинство из которых сконцентрированы в АЮС. Это проблемы с возросшими внешними долгами, ухудшающимся качеством окружающей среды, слабой эффективностью государств, политической не-

³⁴ Рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024; Мельянцева, 2023(2), с. 6; Мэддисон, 2012, с. 576–577].

³⁵ Однако сейчас пересматриваются критерии бедности. Согласно докладу исследовательской компании McKinsey Global Institute, небедным может считаться человек, если стоимость корзины товаров и услуг, входящих в его дневное потребление, превышает 12 долл. в ППС. То есть соответствующая планка, установленная ранее Всемирным банком, поднята примерно на ¼. Ниже этой новой планки в настоящее время проживает 80%, 50% и 20% населения соответственно в бедных странах, среднедоходных и богатых странах [Ellingrud et al., 2025].

³⁶ Взята в составе 10 стран.

³⁷ В рассматриваемый период среднегодовые темпы прироста производительности труда достигали в Индонезии и Индии 3–4%, в Эфиопии и Китае – 6–6,5% (рассчитано по [World Bank. *World Development Indicators*, 2024]).

³⁸ По нашим расчетам и оценкам (на основе [World Bank. *World Development Indicators*, 2024]), в 2010–2023/2024 гг. в основном за счет успехов Китая число заявок на патенты на 1 млн жителей в группе БРИКС+ по отношению к «семерке» выросло вчетверо примерно до половины.

стабильностью, высоким уровнем коррупции и бюрократической волокиты [Milei, Modi, Trump, 2025], ухудшающими инвестиционный климат и условия эффективного развития предпринимательства, с сохранением все еще огромных масштабов критической бедности³⁹ и высоким уровнем неравенства, в т. ч. в распределении доходов, потребления и богатства [The Global Risks Report, 2025; World Bank. *Global Economic Prospects*, 2025]. Субсахарская Африка, численность населения которой в ближайшую четверть века вырастет, по оценкам, на миллиард человек [UNCTAD. *Data Centre*, 2024], нуждается, во избежание критического обострения в ней социально-политической и экологической обстановки, в многократно большем, чем прежде внимании мирового сообщества.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что в последние 10–15 лет, несмотря на многочисленные пакеты санкций, тарифные ограничения со стороны РГ и связанное с этим возникновение феномена частичной деглобализации и фрагментации мировой экономики, РС в целом продолжали устойчиво, по меньшей мере вдвое обгонять РГ по темпам прироста душевого ВВП. РС – ныне огромная сила, с которой при решении глобальных проблем современности, разработке принципов нового, более справедливого миропорядка слабеющие по своей мощи страны коллективного Запада уже никак не могут не считаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Мельянцев В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток (Oriens)*. 2023(1). № 3. С. 6–20 [Meliantsev V.A. How Powerfully and Rapidly Are Developing Countries Catching Up with the Advanced Economies? *Vostok (Oriens)*. 2023(1). No. 3. Pp. 6–20 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2023(2). № 7. С. 5–14 [Meliantsev V.A. Catching Up and Overtaking Growth of Developing Countries: Dimensions, Factors, Problems and Prospects. Part 1. *Asia and Africa today*. 2023(2). No. 7. Pp. 5–14 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023(3). № 8. С. 5–11 [Meliantsev V.A. Catching Up and Overtaking Growth of Developing Countries: Dimensions, Factors, Problems and Prospects. Part 2. *Asia and Africa today*. 2023(3). No. 8. Pp. 5–11 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Развивающиеся и развитые страны в формирующейся новой системе мировой экономики. *Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру*. Отв. ред. Дерюгина И.В. М.: Институт востоковедения РАН, 2024(1). С. 33–51 [Meliantsev V.A. Developing and developed countries in the emerging new system of world economy. *Countries of Asia and Africa on the way to a multipolar world*. Deryugina I.V. (ed.) Moscow: IOS RAS, 2024(2). Pp. 33–51 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности? *Азия и Африка сегодня*. 2024(2). № 7. С. 5–16 [Meliantsev V.A. How Significantly and Sustainably are Developing Countries Surpassing Advanced Economies in Terms of Productivity Dynamics? *Asia and Africa today*. 2024(2). No. 7. Pp. 5–16 (in Russian)].

BIS Data Portal. <https://data.bis.org/topics/DSS/tables-and-dashboards> (accessed: 28.08.2024).

Ellingrud K., Piccitto M., Tacke T. Subsistence Is Not Enough. *The Project Syndicate*. 08.01.2025. <https://www.project-syndicate.org/commentary/private-sector-holds-key-to-economic-empowerment-by-kweilin-ellingrud-et-al-2025-01> (accessed: 17.01.2025).

³⁹ Для многих наименее развитых стран характерны высокие показатели многокритериальной бедности [UNDP. *Global Multidimensional Poverty Index. Poverty amid Conflict*, 2024].

Environmental Performance Index. <https://epi.yale.edu/measure/2024/EPI> (accessed: 29.08.2024).

Global Economic Futures: Productivity in 2030. *WEF*. 2025. <https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-productivity-in-2030> (accessed: 25.01.2025).

Global Economic Prospects, 2025. *World Bank*. (www.worldbank.org) (accessed: 25.01.2025).

Global Innovation Index, 2012. *WIPO*. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf (accessed: 25.07.2024).

Global Innovation Index, 2023. *WIPO*. <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/2023/index> (accessed: 25.07.2024).

Global Innovation Index, 2024. *WIPO*. (<https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/>) (accessed: 25.08.2024).

Global Multidimensional Poverty Index. Poverty amid Conflict. *UNDP*. 2024 <https://hdr.undp.org/content/2024-global-multidimensional-poverty-index-mpi> (accessed: 17.01.2025).

Global Risks Report, 2025. *WEF*. 2025. <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2025/> (accessed: 25.01.2025).

Global Wealth Databook 2023. *UBS*. <https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/family-office-uhnw/reports/global-wealth-report-2023/exploring.html> (accessed: 26.08.2024).

Human Development Report, 1994. *UNDP*. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994> (accessed: 25.07.2024).

Human Development Report, 2023/2024. *UNDP*. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (accessed: 25.07.2024).

International Debt Statistics. *World Bank DataBank*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed: 23.07.2024).

International Debt Statistics, 2024. *World Bank*. 2024. (www.worldbank.org) (accessed: 25.07.2024).

Milei, Modi, Trump: an anti-red-tape revolution is under way. *The Economist*. 30.01.2025. <https://www.economist.com/leaders/2025/01/30/milei-modi-trump-an-anti-red-tape-revolution-is-under-way> (accessed: 03.02.2025).

Plender J. The Overlooked Threats to the Global Financial System. *The Financial Times*. 16.04.2024. <https://www.ft.com/content/0b78c68b-c65c-4080-b779-17041c290eaa> (accessed: 16.04.2024).

Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis. *World Bank*. 2024 (<https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-prosperity-and-planet>) (accessed: 25.01.2025).

Social Progress Index Scorecards. *The Social Progress Imperative*. 2024. <https://www.socialprogress.org/2024-social-progress-index> (accessed: 12.08.2024).

Social Progress Index Time Series: Measuring Social Outcomes 1990–2020. *The Social Progress Imperative*. Washington, D.C., 2022. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series>; (accessed: 12.08.2024).

Social Progress Index Time Series: Measuring Social Outcomes 1990–2020. *The Social Progress Imperative*. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index-time-series> (accessed: 12.08.2024).

Top 500 List. June 2024. <https://top500.org/lists/top500/list/2024/06/?page=1> (accessed: 25.08.2024).

UNCTAD Data Centre. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (accessed: 25.08.2024).

Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. <https://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/> (accessed: 06.07.2024).

Wolf M. An economically dynamic India is Manmohan Singh's greatest legacy. *The Financial Times*. 08.01.2025. <https://www.ft.com/content/263ea342-b4cf-440c-9ebc-07f2a75ead60> (accessed: 17.01.2025).

World Development Indicators. *World Bank DataBank*. <http://data.worldbank.org/> (accessed: 25.07.2024).

World Development Report, 2024: The Middle-Income Trap. Washington, D.C.: World Bank, 2024.

World Robotics – Industrial Robots. *International Federation of Robotics*. <https://ifr.org/wr-industrial-robots/> (accessed: 25.08.2024).

Worldwide Governance Indicators. *World Bank. DataBank*. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed: 24.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович –
доктор экономических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
зав. кафедрой международных экономических
отношений стран Азии и Африки Института
стран Азии и Африки МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Vitalii A. MELIANTSEV, DSc (Economics),
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Professor, Head of the Department
of International Economic Relations of Asian and
African Countries, Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

Иллюстрация к статье М.Ю. Илюшиной

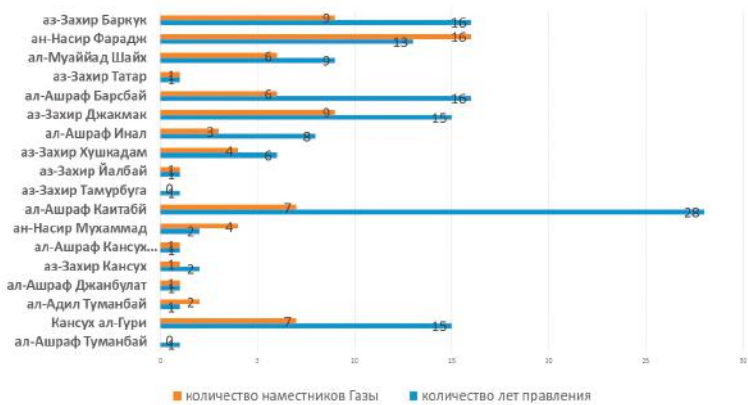

Рис. 2. Диаграмма: количество наместников Газы в период правления мамлюкских султанов-Бурджитов

Fig. 2. Diagram: Number of governors of Gaza during the reign of the Mamluk Burji sultans

Иллюстрация к статье В.А. Мельянцева

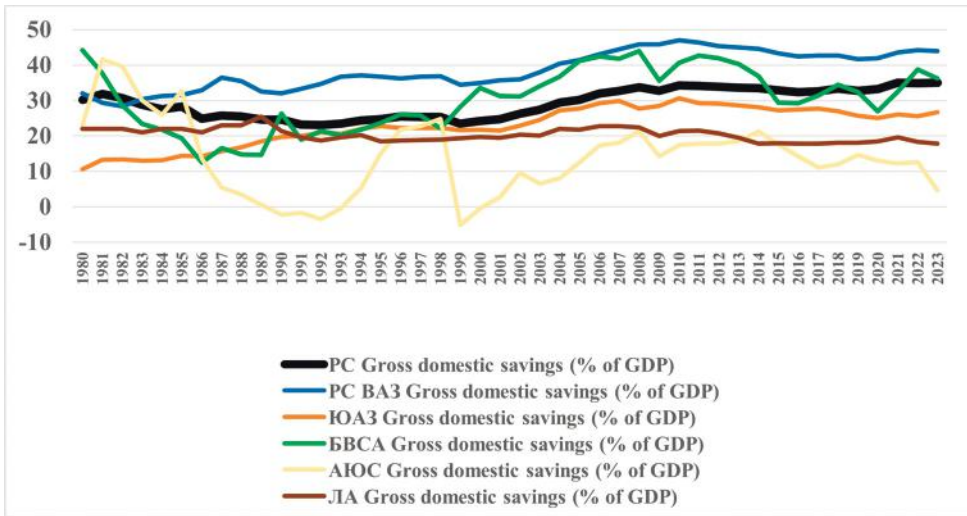

Рис. 2. Основные регионы РС: динамика доли внутренних сбережений в ВВП, 1980–2023 гг. (%). Составлено по: [World Bank. World Development Indicators, 2024]

Fig. 2. Main regions of the DCs: dynamics of the share of domestic savings in GDP, 1980–2023 (%). Based on: [World Bank. World Development Indicators, 2024]